

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК [321+340]

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПИСАНОГО ПРАВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В КОНЦЕ XIV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК
(Полоцкий государственный университет)

Исследуются вопросы становления писаного права и государственного правотворчества в Великом Княжестве Литовском в конце XIV – начале XVI века. Выявляются предпосылки в сферах культуры, политики, развития права, которые оказали воздействие на становление писаного законодательства. Основное внимание уделяется влиянию распространения последствий развития православного движения исихазма в Византии, результатов и достижений Папской революции и восприятию раннереформационных идей, а затем и идей Ренессанса, которые последовательно в конце XIV – начале XVI века приходят на земли Великого Княжества Литовского. Показано влияние на становление писаного права распространения новой концепции государства и монархической власти, взаимодействия последней с населением, а также борьбы сословия шляхты, жителей городов и земель государства за получение писаных гарантий своих прав.

Ключевые слова: источники права, писаное право, правовые обычаи, королевская власть, кодификация, Великое Княжество Литовское, политические учения, статуты ВКЛ.

Введение. С конца XIV века в Великом Княжестве Литовском начинается бурное развитие писаного права. Государственное правотворчество в данный период является особенно примечательным в сравнении с предыдущим этапом, когда после принятия «Русской правды» в XI веке оно в большинстве своем ограничивалось заключением международных договоров.

Вопросам развития права в ВКЛ конца XIV – начала XVI века уделяли внимание многие историки права, начиная от авторов периода Российской империи (Н.А. Максимейко, М. Любавский, И. Лаппо, И. Данилович, Ф. Леонтович и другие), польских историков (Ю. Бардах, Г. Ловмянский, Я. Якубовский и др.), белорусских авторов (Я. Юхо, Т.И. Довнар и др.). Однако большинство исследователей рассматривало данные вопросы либо в контексте принятия Статутов ВКЛ, либо изучая отдельные правовые институты, историю политических или правовых воззрений мыслителей той эпохи. Важным представляется рассмотреть вопрос государственного правотворчества данного периода в контексте культурных, политических и правовых изменений той эпохи, влияния на него внутренних и зарубежных причин и предпосылок.

Основная часть. Процесс развития государственного правотворчества, становления государственного писаного права как основного источника правовых норм был длительным для всех средневековых государств. Прежде всего следует отметить, что к XI–XII векам в Западной Европе и к XV–XVI векам в Восточной Европе безгранично царил обычное право. Возникновение первых «варварских правд», хотя

и свидетельствовало о тенденции перехода от родоплеменных отношений к ранней государственности, отражало попытки укрепления власти военных вождей и их становления как глав государств (королев и князей) и судей своего народа, но не являлось в узком смысле этого слова государственным правотворчеством. Разумеется, благодаря христианству право приобретало «святую» форму, похожую на ту, в которой хранилось Слово Божие, но по сути это были сборники обычаев, а их запись представляла собой, скорее, «увещания хранить мир, блюсти справедливость и воздерживаться от преступлений» [1, с. 78]. «Королю оставалось только умолять и молиться, ибо приказывать и наказывать он не мог» [1, с. 78]. Королевское право того времени только стремилось избавиться от кровной мести через представление альтернативного способа решения частных «кривд» – обращения за королевским правосудием.

Будучи динамическим элементом развития общества, королевская власть сталкивалась с местной экономикой, традиционным укладом, который не воспринимал ее как активного законодателя. «Право считалось прежде всего выражением народного бессознательного, продуктом «коллективной совести», а не намеренным выражением сознательного разума и воли» [1, с. 79]. И если вмешательство королевской власти в важнейшие управленческие вопросы того времени допускалось – введение налогов, издание церковных уставов для разграничения юрисдикции светских и церковных судов (заметим, что христианство также выступало динамичным фактором общественного развития), заключение договоров с населением земель при призвании на престол, заключение международных союзов и международных торговых договоров, то в вопросах частного права вмешательство государства было минимальным.

Немногочисленность источников того времени, их сосредоточенность на вопросах публичной власти объясняется, как отмечает Т.И. Довнар, тем, что в средние века считалось, что право существует независимо от верховной власти и регулирование частных отношений не входит в компетенцию последней [2, с. 20].

Подобная ситуация продолжается на просторах Восточной Европы до конца XIV века, начиная с которого на землях Великого Княжества Литовского происходит подъем заинтересованности в использовании писаного слова и писаного права. Интересно, что процесс расширения государственного правотворчества проходил в период, когда в ВКЛ формировался «культ старины». Вызревший к концу XIV века и достигший своего апогея в конце XV – первой половине XVI века принцип «старинности» стал «неотъемлемым атрибутом» актов великого князя и парадоксальным образом сопровождал период «колоссальной трансформации» в государстве [3, с. 433, 435]. Само существование подобного отношения к «старине» свидетельствует о значительности зарубежного влияния, так как «новина» в данном противопоставлении была всегда «не своей», «чужой» [3, с. 436]. И все же, несмотря на многочисленные упоминания «старинности», ее постоянное гарантирование в писаных актах, она не являлась нерушимым барьером на пути изменений. Закрепленные в писаных документах льготы и привилегии сословиям, грамоты городам и землям отнюдь не воспринимались населением как «новина», да и любые изменения, пусть и со ссылкой на старые обычаи, уже через одно два поколения сами становились «стариной».

Среди факторов, которые повлияли на расширение государственного правотворчества и издание источников писаного права, прежде всего выделим явления культуры, которые создавали своеобразный фон уважения к писаному слову. К ним мы отнесем распространение последствий развития православного движения исихазма в Византии, результатов и достижений Папской революции и восприятие ранне-реформационных идей, а затем и идей Ренессанса, которые последовательно в конце XIV–XVI веке приходят на земли Великого Княжества Литовского.

После бурного развития в период крещения Киевской Руси в развитии православной культуры наступил некоторый спад – период «консервации» XI–XII веков [4, с. 210]. Однако в конце XIII – начале XV века на землях Восточной Европы начался новый расцвет православия. Ученые его связывают с последствиями развития движения афонского монашества, получившего название исихазма. Вызвав всплеск публичных дискуссий в Византии, исихазм породил многочисленную писаную литературу на греческом языке, а затем и ее перевод, и распространение на территории Руси, где становятся известными произведения таких православных деятелей, как Василий Великий, Исаак Сирийский, Максим Исповедник, Ареопажитик и др. [5, с. 171].

Таким образом, исихазм послужил «импульсом, который вывел развитие письменности из состояния консервации и «возбудил интерес и внимание к слову» [4, с. 221], принес с собой волну южнославянских текстов, ставших образцами для местной письменности XV века [4, с. 213, 221]. Яркими представителями данного направления в ВКЛ являются митрополит Киприан и Григорий Цамблак. И хотя сторонники исихазма больше сосредоточивались на вопросах религиозных и этических, их деятельность создавала общий фон почитания писаного слова, который в сочетании с другими факторами способствовал становлению писаного права.

Вторым важным фактором стало восприятие достижений Папской революции, которые после Кревской унии 1385 года посредством польского влияния проникали на земли ВКЛ. Результатом последней на Западе стали не только самостоятельность и выделение в отдельную юрисдикцию Католической церкви, но одновременное юридическое оформление юрисдикции и полномочий короля. Упорная борьба с папством побочным эффектом имела повышение статуса светского писаного права, которое пыталось следовать образцу более совершенного и систематизированного канонического права. «Систематизация и расширение королевского права имело место повсюду в Европе, где римско-католическая церковь отстаивала свою независимость от светской власти и где перед королевской властью стояла задача обеспечения мира и правосудия в светской сфере» [1, с. 479].

Начавшаяся сначала как идеологическое движение клонийцев григорианская реформа церкви, а затем и сама борьба светской и церковной власти в XI–XII веках породили бурный всплеск заинтересованности писаным словом, которое выступало оружием в борьбе двух универсалистских центров, желающих подчинить себе весь христианский мир. И хотя польское государство, а тем более ВКЛ находились на периферии данной борьбы, но западные тексты и сама культура почитания и использования книжного слова не могли не сказаться на взглядах местных духовной и светской элит.

Если в Западной Европе борьба между светской и духовной властью имела прямой характер, то для славянских государств в Центральной и Восточной Европе более важным был элемент борьбы за независимость против немецкого влияния. Так, сначала польское государство активно противодействовало универсалистским устремлениям немецкой империи и добивалось устранения влияния немецкой церкви и самостоятельного формирования польской иерархии католического костела. На следующем этапе актуальным стало противодействие влиянию Тевтонского ордена при папском престоле и императорском дворе. В XV веке разгорается внутренняя борьба между королевским двором и группировкой магнатов во главе с епископом Збигневом Алесницким.

Важным элементом польской борьбы с универсалистскими институтами выступали писаное слово и писаное право. Именно поэтому королевская власть в 1364 году основала Краковский университет. В отличие от пражского, который в своей структуре и деятельности ориентировался на подконтрольный

католической церкви парижский университет, Краковский университет избрал для себя образцом подконтрольные государству итальянские университеты, прежде всего Болонский. Университет в Кракове, что является показательным, имел явную направленность в сторону правовой науки – из трех факультетов один юридический, из 11 кафедр – 8 правовых. Восстановленный при Ягайле университет имел своими ректорами знаменитых юристов, основателей школы международного права Станислава из Скарбимежа и Павла Владковича, которые в своих произведениях выступали против универсалистских устремлений Империи и Папства и за суверенитет национальных монархий, в том числе даже языческих, одной из которых в то время на Западе считалась Литва.

Противостояние с Тевтонским орденом было важнейшим элементом политики и в Великом Княжестве Литовском как до, так и после Кревской унии. Борьба с немцами, а также борьба за автономию ВКЛ против инкорпорационных устремлений поляков, также обуславливали заинтересованность элит Великого княжества в становлении юридического образования и писаного права. Известно, что канцлер ВКЛ Михаил Кезгайлович, под руководством которого велась разработка привилея 1447 года и Судебника 1468 года, был одним из меценатов Краковского университета, в котором в XV веке обучались и студенты из Литвы [6, с. 243].

Еще одним фактором, который создавал атмосферу уважения перед писанным словом и писанным правом в первой половине XV века, было влияние чешских реформаторов. Распространенные в Европе в конце XIV столетия идеи Джона Уиклифа, который среди прочего отстаивал приоритет Святого Писания над Святым Преданием, были восприняты Яном Гусом и его последователями и стали поводом для гуситских войн. Религиозные идеи гуситов, как показывают современные польские исследования, не оказали значительного влияния на религиозную ситуацию в Польше и в ВКЛ [7, с. 210–211]. Монархи последних использовали гуситов в своей борьбе с империей и орденом, но общие идеи о приоритете королевской власти относительно церковной, предпочтение писанным источникам, в том числе правовым, перед обычаями не могли остаться без внимания элит Польши и ВКЛ. Тем более что их распространение было связано с активным проникновением чехов к королевскому и великокняжескому двору, многочисленными дипломатическими миссиями гуситов (например, визит Иеронима Пражского, который в числе других городов посетил Вильню и Витебск), обучением студентов из Короны и Княжества в Пражском университете, а также участием пяти тысячной армии из ВКЛ во главе с наместником Витовта Сигизмундом Корибутовичем в гуситских войнах, и даже коронацией последнего как чешского короля.

Перечисленные раннереформационные идеи, которые вытекали из духа эпохи [8, с. 12], воспринимались политическими деятелями Польши и ВКЛ, использовались в их полемике. Так, советник королей Казимира Ягеллончика и Яна Ольбрахта, один из первых докторов права, мыслителей и публицистов Польского королевства Ян Остророг в своем «Мемориале об устройстве Речи Посполитой» (около 1477 г.) выступал за суверенитет монарха в международных делах, ликвидацию аннатов и их пересылки в Рим, отмену церковных десятин, устранение права апелляции на приговоры духовных судов королевства к римской курии, а также за расширение писаного права, чтобы «не по капризам одного лица, но размышлениям многих судили» [9, с. 159]. Остророг обосновывал необходимость единства права в государстве, выступал против его деления на право для знати и плебеев, а тем более применения немецкого права [9, с. 155–157]. Лучшим для него вариантом, и здесь видится восприятие им основных идей своего времени, является введение римского права, которое он считал непревзойденным и из которого предлагал позаимствовать все, что нужно для судов, оставшееся же предоставив на усмотрение судей [9, с. 159]. Таким образом, молодой юрист вместо обычного и местного права в польском государстве стремился выстроить систему писаного римского права [8, с. 92].

Через небольшое время, уже в начале XVI века, идеи приоритета писаного права становятся нормой для идеологии Возрождения. Их мы находим, например, у доктора наук и первого книгопечатника из просторов ВКЛ Франциска Скорины, который в своих предисловиях к Первой книге царств и Второзаконию Моисея отмечает важность писаного слова и писанных законов, перечисляет известнейших законодателей прошлого, указывает на закон прирожденный как фундамент для всего писаного права [10, с. 332; 11, с. 335]. Последнее, которое принимается народом во главе с его старейшинами на родном языке, и тут видны уже ренессансные идеи патриотизма, должно соответствовать обычаям каждого отдельного края, времени и месту их принятия и быть нацеленными на достижение общего блага:

«Закон же написанный ..., як суть права земская, еже единый кажный народ с своими старейшими ухвалили суть подле, яко же ся им налепей видело быти. А прото же межи собою ся не сровнавають, понеже иные, а иные иным, а иным языком ся любяты. Толико в том хотят ся згожати, аб были права из, или закон, почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный, подле прирожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея в себе закритости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный» [11, с. 335].

Среди политических причин становления писаного права как основного источника права в XIV–XVI века можно выделить: распространение новой концепции государства и монархической власти, взаимодействие последней с населением, а также борьбу сословия шляхты, жителей городов и земель государства за получение писанных гарантий своих прав. Так, к XIII веку борьба Империи и Церкви привела к полемическому взаимопроникновению идей. Вначале произошло взаимное уподобление Папы и Императора, которые приобрели атрибуты одновременно и светских и духовных правителей. Затем процесс уподобления

расширился на политические и религиозные сообщества. «Под сенью pontificalis maiestas – «первосвященнической власти» Папы (которого также рассматривали в качестве «государя» и «истинного императора») – иерархический аппарат Римской церкви превращался в совершенный прототип абсолютной и рациональной монархии на мистической основе, тогда как государство в то же самое время все более отчетливо проявляло тенденцию к превращению в некую квазицерковь или мистическую корпорацию на рациональной основе» [12, с. 289–290]. Перенос идеи *corpus mysticum* на государство «освящал» и поднимал его над «физическим существованием», а к тому же передавал ему юридические коннотации как «фиктивного» или «юридического» лица, «корпоративного коллектива – неосязаемого и существующего только как фикция в юриспруденции» [12, с. 306–307]. В это же время благодаря возрождению интереса к Аристотелю становится популярным понятие «политического тела», которое также начинает применяться к государству [12, с. 308].

Следующим шагом после «сакрализации» государства, которое поднимало его самоценность и значимость, было распространение метафоры брака короля со своим королевством по аналогии с браком Христа или епископа с церковью [12, с. 310–312], которая позволяла предполагать наличие правовых отношений между монархом и государством. В данной связи Е.Х. Канторович приводит показательную цитату средневекового неаполитанского юриста Луки де Пенна, написавшего в середине XIV века: «Точно так же, как заключается духовный и божественный брак между церковью и ее прелатом, заключается и светский, и земной брак между государем и республикой. И как церковь в прелате и прелат в церкви... так и государь в республике и республика в нем... И подобно тому, как люди соединены вместе духовно в духовное тело, глава которого Христос... так же морально и политически они соединены в *respublica*, каковое есть тело, глава коего – государь» [12, с. 313–314]. А так как органы в организме выполняют различные функции, то и в государстве каждый, в том числе государь, должен обеспечивать решение предписанных ему правом задач в рамках, предоставленных по соглашению с условиями, которые выступают как иные органы единого тела, полномочий.

В результате такой идейной эволюции происходит отделение личности короля от государства, важным органом которого он является, его личных интересов от интересов всего политического тела. И как единый организм церкви, который активно функционировал в опоре на разветвленный аппарат управления и систему канонического права, так и государство получило идейный импульс к активизации правовой деятельности, а сословия – к правовой регламентации отношений с монархом.

Во время заключения династической унии между ВКЛ и Польским королевством в последнем по западному образцу уже произошло превращение монарха из военного лидера и вождя союза территорий в «господина» и обособление фигуры последнего от государства – *Corona Regni* [13, с. 35]. В XIV веке Польша «уже рассматривала государственную организацию как самостоятельную юридическую единицу, независимую от той или иной господствующей династии» [14, с. 151].

Подобные идеи постепенно воспринимались и в Великом Княжестве Литовском. И если во время заключения Кревской унии в 1385 году в ВКЛ все еще доминировала патримониальная концепция власти [13, с. 36–38; 14, с. 151], то в следующем столетии под польским влиянием, из-за частого отсутствия в княжестве общего монарха она канула в Лету. От идеи различия Короны-королевства и личности короля один шаг к идее связанности монарха правом. В Польше, а затем и в ВКЛ, в XV–XVI века происходит распространение идеи *lex est rex, non rex est lex*, которая требовала для своей реализации на практике обязательной кодификации и создания официального писаного свода права [15].

Культурный фон и политические, и правовые идеи создавали фундамент, который с благодарностью воспринимала шляхта Великого Княжества. Она с интересом наблюдала за процессом эмансипации средней шляхты и закрепления гарантий ее прав в писаной форме, что начался в Короне еще Кошицким привилеем 1374 года и Нешавскими привилеями 1454 года, а также за деятельностью движения экзекуции прав в XVI веке. Однако если кодификационные работы в Короне прекратились после принятия Статута Лаского в 1506 году и *Formula processus* 1523 года, так как «гордыня нескольких магнатов уничтожила кропотливую работу» [16, с.754], то в Великом Княжестве интересы монарха по унификации страны и централизации власти на некоторое время совпали с устремлением знати расширить свои права. С одной стороны, за поддержку интеграционных устремлений в направлении развития союза с Польшей, за приверженность в гражданских войнах в ВКЛ в конце XIV–XV веках, за частое отсутствие монарха в княжестве в XV–XVI веках княжеской власти приходилось расплачиваться предоставлением высшим сословиям прав. С другой стороны, земли, входившие в ВКЛ, имели особенности и автономию, которую они хотели сохранить и гарантировать. С третьей, к середине XV века средняя шляхта уже начинала чувствовать различие своих интересов и интересов магнатов и жаждала положить конец злоупотреблениям последних через унификацию права (прежде всего процессуального – отсюда принятие Судебника Казимира 1468 г.). Добавим сюда и желание великокняжеской власти поспособствовать развитию городов, и желание последних закрепить свои интересы через получение гарантий своих прав от великого князя. В результате такого ряда иногда совпадающих, а иногда противоречащих друг другу интересов различных слоев населения, земель, городов, центральной власти с конца XIV по начало XVI веков в ВКЛ происходит активный рост государственного правотворчества и издания писаных актов – общеземских, областных и волостных привилеев, грамот на магдебургское право, а также индивидуальных актов.

Тесная связь государственного правотворчества с расширением прав шляхты подтверждается, в том числе, активным использованием писаных документов как подтверждения земельных пожалований. Именно в это время возникает Канцелярия ВКЛ (конец XIV в.), которая первоначально была в большей степени ориентирована на обеспечение внешнеполитических функций монарха, но с середины XV века переориентировалась на взаимодействие монарха с населением, что вызвало бурное увеличение документооборота [17, с. 3–4]. Такие изменения во многом связаны с деятельностью великого князя Казимира Ягеллончика, который борьбу с сепаратистскими движениями вел, в том числе, посредством активизации земельных пожалований шляхте. Последние сопровождалась выдачей актов, копии которых сохранялись в канцелярии, и которые начинают использоваться в судах. Правда, отметим, что только со второй половины XVI века в судах начали активно использоваться ссылки на письменные документы и все меньше на доказательство, подтверждающие «старину» [3, с. 437].

В это же время активно начинает оформляться в письменной форме взаимодействие монарха с панами-радными, местными властями (через запросы, сообщения, инструкции), выдаются разрешения (заселение населенных пунктов, установление рынков, строительство замков и т.д.), оформляются дарственные на откупы, заставы, разные льготы и др., в письменном виде начинают вызывать в суд, оформлять судебные действия, созывать ополчение, приглашать на сеймы, подтверждать частные сделки и др. Писаные документы становятся условием и атрибутом оперативного управления [17, с. 5].

В соответствии с духом эпохи и в результате перечисленных предпосылок государственное правотворчество также оформляется в письменной форме, тем более что часть содержания писаных актов монарха выступала новацией в отношении старых обычаев. Новация была уже в том, что княжеская власть вмешивалась в регулирование не только публичных, но и частных взаимоотношений (от управления, налогов, правосудия и уголовного права к гражданско-семейным и наследственным отношениям). А так как данные права и привилегии в сознании населения еще тесно связывались с личностью монарха, то каждый новый великий князь раз за разом на запросы заинтересованных субъектов подтверждал их новыми и новыми привилегиями, с каждым разом внося в них небольшие изменения и добавляя элементы систематизации. Каждое последующее издание актов, в свою очередь, приучало население к самой мысли о нормальности государственного регулирования частных общественных отношений, закладывала фундамент для систематизации правовых норм.

Интересным является и обоснование причин издания писаных актов, которое законодатель обычно помещал в их начале. Так, большинство привилеев и грамот, в том числе индивидуальных, выдается «да сведчанна ўсіх, каму патрэбна ...» [18, с. 39]. В наиболее важных – актах уний, общеземских и областных привилегиях, грамотах на магдебургское право городов – добавляется указание на использование письменной формы как гарантии долгосрочности действия соответствующего акта и сохранения сведений о факте его издания в памяти потомков: «К вечной речи памяти. Все речи, которые бывают, от людской памяти поспол с часом отходят, а ни потом к памяти могут приведены быти: олиж писмом и мают потвержены быти» [19, с. 41; 20, с. 45]. В большинстве привилеев используются почти одинаковые формулировки, однако иногда добавляются важные мелочи. Так, в привилее Сигизмунда 1506 года отмечается не только общая важность письменной формы для сохранения в памяти о поступках людей, но ее необходимость для сохранения в памяти населения о деятельности великого князя: «што ўхвалена ўладай вяльможных князеў, варта каб было замацавана ў пісаных граматах і падтрымана сведчаннем вартых веры людзей» [21, с. 52].

В 1511 году в Привилее Новогрудку на магдебургское право последняя мысль выражена еще более ярко: «Княжат высоких маестат не так звитества валк есть, яко з уставеня справедливых устав або прав, которыми ж посполитая реч множить ся и ку великом обфитости приходит...» [22, с.97]. Таким образом, из анализа преамбул актов XIV–XVI века видно, как постепенно усиливается в сознании тогдашних господствующих кругов и населения важность писаного права.

Одновременно происходит и систематизация права. Первыми ее попытками в ВКЛ стало издание общеземских привилеев 1447, 1492 и 1506 года, а также Судебника 1468 г. [23, с. 91–92], однако до принятия Статута ВКЛ 1529 года население ясно осознавало отсутствие единого писаного права в государстве и в начале XVI века желало данную ситуацию изменить и связывало свои надежды с монархом.

Выдавая привилей Волынской земле в 1501 году, сам монарх указывал его временный характер «пока права статута у отчизне нашей уставим». Далее в привилее указывалось, что после принятия устава «тогда вси земли наши одного права держати мають и одним правом суждены будут подле статуту» [24, с. 28].

Шляхта подняла вопрос о принятии общегосударственного статута на Виленском сейме 1514 года, но магнатам, которые не были в нем заинтересованы, удалось отсрочить данное решение. На Гродненском сейме 1522 года на очередной запрос шляхты князь и Рада «право им прирекли дати и тыи вси члонки, как ся поданные наши справовати и радити, казали есмо... выписати» [16, с. 755; 25, с. 20]. По представленному сейму проекту еще шесть лет проходили споры, и только на Виленском сейме 1528–1529 годов были приняты «Права писанья», которые исследователи для удобства называют Статутом 1529 года.

При этом в Господарском листе о Первом Статуте 1522 года точно перечислены цели и причины его принятия: ради сохранение в людской памяти дел великого князя «для общей пользы поданных принятой», для сведения всем людям «цяперашнім і будучым», для искоренения случаев неправого суда из-за отсутствия писаных законов и «кіравання юстыцыі выключна звычайем і разважаннямі кожнай

паасобку галавы і сумленнем, як здавалася кожнаму суддзі, больш справядліва і правільна», как ответ на жалобы знати и желания князя, чтобы «шляхта ўся цалкам і кожны паасобку кіравалася-б адным правам і аднолькавай формулай і парадкам суда, каб правасуддзе адпраўлялася як найлепш і роўна для кожнага, каб павялічыўся спакой пагрозай пісанага закона, каб угамаваць (утаймаваць) распунасць адшчапенцаў і каб захаваць добрае становішча ўсёй дзяржавы нашага вялікага княства ў большым спакою і пры аднамыснасці судаўніцтва... для больш хуткага і аднолькавага выканання суда, законаў, ухвал і зацверджаных пастановаў» [26, с. 112–113].

В самом Статуте 1529 года также содержится указание о единстве и приоритете писанного права – «иж все подданные наши, так вбогие, яко и богатые, которого раду кольве або стану были бы, ровно а одностайным тым писаным правом мають сужоны быти» (Р. I, Ст. 9) [27, с. 54], единство и приоритет писаного права подтверждается и в Р. VI, посвященном судебному строю: «Теж уставуем: иж кожды воевода наш и старосты... не мають подданных наших иначе судити и справовати, леч тыми писаными правами, которыя есмо всим подданным нашим Великого Княства дали...» [27, с. 107].

Обычай же как источник права уступает свою главную роль закону, и в соответствии со Статутом 1529 года он используется в качестве субсидиарного источника при отсутствии нормы права в законе (Р. VI, Ст. 5): «мають тые дела судити тыми правами писаными. Естли ж бы ся пригодили таковыя дела судити, которые бы были в тых правех не выписаны, тогда панове рады наши мають тые дела судити подле старого обычая до тых часов, покуль мы, господар, с паны радами нашими тые дела уфалими в тые права вписати кажем» [27, с. 110].

Заклучение. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года увенчал период перехода от обычного права к общегосударственному писаному кодифицированному праву. Его принятие стало результатом сочетания целого ряда предпосылок, сложившихся в культурной и политической жизни, развития идей в области права, к наиболее важным из которых мы относим влияние распространения последствий развития православного движения исихазма в Византии, результатов и достижений Папской революции и восприятие раннереформационных идей, а потом и идей Ренессанса, которые последовательно в конце XIV – начале XVI века приходят на земли Великого Княжества Литовского. Кроме этого, определяющее влияние на становление писаного права как основного источника права оказало распространение новой концепции государства и монархической власти, взаимодействие последней с населением, а также борьба сословия шляхты, жителей городов и земель государства за получение писаных гарантий своих прав. Под воздействием данных причин «старина» уступила свое первенство государственному правотворчеству, и наступила эпоха кодифицированного развития права в Великом Княжестве Литовском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берман, Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования / Г. Дж. Берман ; пер. с англ. – 2-е изд. – М. : Изд-во МГУ ; Издат. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
2. Доўнар, Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV– XVI стагоддзях / Т. І. Доўнар. – Мінск : Пропілеі, 2000. – 224 с.
3. Дзярновіч, А. І. «Старына»: публічны вобраз і сацыяльны канцэпт / А. І. Дзярновіч // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 2 : Пратарэнесанс і Адраджэнне / С. І. Санько [і інш.] ; Нац. Акадэмія Беларусі ; Ін-т філасофіі – С. 429–438.
4. Гаранін, С. Л. Другі паўднёваславянскі ўплыў і ўзнікненне пераадрэджэнскіх тэндэнцый у беларускай культуры позняга Сярэднявечча / С. Л. Гаранін // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / С. І. Санько [і інш.] ; Нац. Акад. Беларусі ; Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 2 : Пратарэнесанс і Адраджэнне – С. 210–248.
5. Нижников, С. А. Исихазм в истории христианства на Руси. Часть I / С. А. Нижников // Пространство и Время. – 2017. – № 1(27). – С. 160–173.
6. Старостина, И. П. Судебник Казимира 1468 г. / И. П. Старостина // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988–1989 гг. – М. : Наука, 1991. – С. 170–344.
7. Guzowska, D. Problem husycki w Polsce w pierwszej połowie XV wieku w świetle najnowszych badań / D. Guzowska // Studia Podlaskie. – tom X. – 2000. – S. 193–211.
8. Pawicki, A. Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie rzeczy pospolitej: Studium z literatury politycznej XV wieku / A. Pawicki. – Warszawa, W Wdruk. S. Orgelbranda synuw, 1884. – S. 1–119.
9. Ostroryg, J. Monumentum pro Reipublicae ordinatione // J. Ostroryg // Pawicki, A. Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie rzeczy pospolitej: Studium z literatury politycznej XV wieku. – Warszawa, W druk. S. Orgelbranda synuw, 1884. – S. 121–181.
10. Скарына, Ф. Прадмова да першай кнігі царстваў / Ф. Скарына // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – С. 332–334.
11. Скарына, Ф. Прадмова да кнігі Другі закон / Ф. Скарына // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – С. 334–337.

12. Канторович, Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Э.Х. Канторович. – Изд. второе, испр. ; пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Сергиной. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. – 752 с.
13. Бардах, Ю. Крэва і Люблін. З праблемаў польска-літоўскай уніі / Ю. Бардах // Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага : перакл. з польскай і французскай ; [укладальнік Г. Сагановіч ; перакл. з пол. мовы М. Раманоўскага ; перакл. з фр. мовы А. Істоміна]. – Мінск : Медысонт, 2010. – С. 16–99.
14. Jakubowski, J. Z zagadnic unji polsko-litewskiej / J. Jakubowski // Przegl № d Historyczny. – 1919–1920. – Т. 22. – S. 136–155.
15. Uruszczak, W. Swoistość systemów prawno-ustrojowych państw Europy Brodkowo-Wschodniej w XV–XVI w. [Электронный ресурс] / W. Uruszczak // Europa Brodkowowschodnia od X do XVIII wieku – jedność czy różnorodność? / red. K. Bączkowski, J. Smoiucha. – Kraków, 2005. – S. 45–61. – Режим доступа: // jazon.hist.uj.edu.pl/zjazd/materialy/uruszczak.pdf. – Дата доступа: 18.04.2019.
16. Bardach, J. Statuty Wielkiego Księstwa Litewskiego – pomniki prawa doby odrodzenia / J. Bardach // Kwartalnik Historyczny. – R. LXXXI. – 1974. – nr 4. – S. 750–780.
17. Груша, А.І. Канцьярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV – перш. пал. XVI ст. / А.І. Груша. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – 215 с.
18. Прывілей вялікага князя літоўскага і караля польскага Уладзіслава (Ягайлы) 1387 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 39–41.
19. Прывілей вялікага князя літоўскага Казіміра 1447 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 41–44.
20. Прывілей вялікага князя літоўскага Аляксандра 1492 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 45–51.
21. Агульназемскі прывілей Вялікага князя літоўскага Жыгімонта Казіміравіча 1506 г. // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 52–55.
22. Прывілей Навагародку на магдэбургскае права 1511 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вуч. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 52–55.
23. Доўнар, Т.І. Праблема прававых крыніц Беларусі перыяду Вялікага княства Літоўскага / Т.І. Доўнар // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2008. – № 2. – С. 86–103.
24. Уставная грамота Литовскаго великаго князя Александра жителямъ Волынской земли, 15 фев. 1501 года // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России : собр. и изд. Археологическою комиссиею : в XV т. ; ред. Н. Костомаров. – СПб. : Изд. археографич. комиссии, 1863. – Т. 1 : 1361–1598. – С. 27–28.
25. Короткий коментар загалёнай спряманості Статуту 1529 року // Статути Великого князства Литовського : у 3-х т. ; за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – Одеса : Юрид. літ., 2002. – Т. 1 : Статут Великого князства Литовського 1529 року. – С. 18–36.
26. Гаспадарскі ліст аб першым статуте ад 6 снеж. 1522 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : (Са старажытных часоў ; да нашых дзён) : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 112–114.
27. Статут 1529 р. : Реестр і текст Статуту давньоруською моваю // Статути Великого князства Литовського : у 3-х т. ; за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – Одеса : Юрид. літ., 2002. – Т. 1 : Статут Великого князства Литовського 1529 року. – С. 37–191.

Поступила 04.06.2019

THE QUESTIONS OF FORMATION OF STATUTORY LAW IN THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA IN XIV–XVI CENTURIES

D. SHCHERBIK

The publication explores the history of law in the Grand Duchy of Lithuania in the fourteenth and sixteenth centuries. Cultural and political-legal background, foreign influence and ideological justification, which formed the basis for the transition from customary law to statutory law and its codification are analyzed.

Keywords: *sources of law, customary law, statutory law, royal power, codification, the Grand Duchy of Lithuania, political doctrines, Statutes of the Grand Duchy of Lithuania.*